

УДК 321.6/.8

ИмPLICITное вебериаство при анализе процессов демократизации посткоммунистических стран

Катаев Дмитрий Валентинович

Кандидат социологических наук, доцент,
Липецкий государственный педагогический
университет им. П.П. Семёнова-Тян-Шанского,
398020, Российская Федерация, Липецк, ул. Ленина, 42;
e-mail: dmitrikataev@rambler.ru

Аннотация

В статье рассматриваются актуальные социально-политические проблемы, связанные с модернизацией и трансформацией в бывших коммунистических странах. Двухуровневый анализ включает исследование как макроаспектов социальных процессов: институциональной и структурной трансформации, так и микрокомпонента социального действия: этических установок, политического сознания и смыслополагания.

Для цитирования в научных исследованиях

Катаев Д.В. ИмPLICITное вебериаство при анализе процессов демократизации посткоммунистических стран // Теории и проблемы политических исследований. 2016. № 3. С. 16-26.

Ключевые слова

Вебериаство, микро- и макроуровни, социальная трансформация, рационализация, социальные институты, социальное действие.

Введение

С точки зрения осмысления трансформационных процессов, происходящих в России и других посткоммунистических странах на протяжении последних десятилетий, в вебериастве раскрываются следующие перспективы: во-первых, применение концепции капитализма как на макроуровне в институциональном аспекте (условия, предпосылки, тенденции развития, типология), так и на микроуровне этических компонент (мотивационные аспекты, формирование особого типа трудовой этики и др.) [Катерный, 2011]

для анализа становления рыночных отношений в современной России; во-вторых, анализ веберовской теории бюрократии с точки зрения дихотомии формальной и материальной рациональности, соответственно, противопоставление патримониальных и рациональных черт государственной бюрократии, предполагающее «демандаризацию» и реформирование государственной службы; в-третьих, решение «проклятых вопросов», связанных с «сохранением остатков индивидуалистической свободы» и контроля над «вездесущей бюрократией» [Weber, 1980], включая проблему отчуждения в процессе рационализации. Эти проблемы «великого перехода» [Sztompka, 1992] имплицитно раскрываются выдающимся польским социологом современности П. Штомкой применительно к посткоммунистическим странам.

Теория капитализма М. Вебера в современной политологической мысли

Рассматривая теорию капитализма М. Вебера, И.В. Катерный выделяет два подхода к ее анализу: институциональный (Р. Коллинз) и мотивационный (Ю.Н. Давыдов). Подход Р. Коллинза следует рассматривать в русле макросоциологии, поскольку он «впервые предлагает рассматривать его (Макса Вебера – *прим. автора*) теорию капитализма как последовательное развертывание институционально-материалистического понимания истории», в то время как подход Ю.Н. Давыдова трактуется отечественным исследователем как «микросоциологический или мотивационный» [Катерный, 2011, 111].

С точки зрения рассматриваемой проблематики и потенциала веберовской синтетической социологии микро-макро-микро первое утверждение относительно макросоциологической направленности выглядит в достаточной мере убедительно и обоснованно, в то время как интерпретация давыдовского подхода как микросоциологического к осмыслению творчества Макса Вебера может быть подвержена критике, так как при анализе российской действительности автор придерживается принципов «веберовской исследовательской программы», то есть принципа целостного и синтетического подхода.

Макросоциологический подход Коллинза к интерпретации основывается на трех концептах: 1) отказ от идеализма; 2) акцент на генезисе современного государства; 3) материалистическая комплементарность. Коллинз последовательно отстаивает идею институциональной модели капитализма, подчеркивая, что вера имеет лишь опосредованное значение и что религиозность означает лишь доступ к основным благам [Collins, 1980].

Действительно, в рамках историко-генетических, индивидуализирующих типов мы можем найти замечания Вебера относительно, например, американского общества, где «американская демократия не является скоплением невзаимосвязанных индивидов, а лабиринтом в высшей степени эксклюзивных, но абсолютно свободно образованных сект, объединений, клубов, в которых и вокруг которых движется собственно социальная жизнь индивида» [Weber, 1980, 723].

Немецкий социолог подчеркивает важность такого вида «социального отношения» для американского общества и индивида на следующих примерах: «...отказ в приеме в секту или клуб является даже причиной самоубийства студентов в Америке». Но что особенно важно для предмета нашего рассмотрения – это зависимость экономики от данного вида социальных связей: «...кто хочет открыть свой банк, должен принадлежать к секте баптистов или методистов, поскольку каждый (в Америке) знает, что крещение или прием в секту является своего рода кандидатским минимумом (*examen rigorosum*) жизненного пути индивида» [там же, 724]. Макс Вебер считает, что ни в одной стране мира «секта» и ее дериваты не оказали такое влияние на формирование личности, как в Америке. В отличие от теократической и государственной власти, стремящейся к господству над всеми сферами индивидуальной жизни, секты ориентированы на индивидуальные качества индивида и формирование «внутримирской аскезы», то есть такого типа этики, в котором нуждается капитализм и шагающая вперед бюрократизация.

В любом случае Вебер не «отказывается», как считает Коллинз, от этической компоненты, а, скорее, следует принципам своей программы микро-макро-микро перехода. Однако он не раскрывает потенциала веберовской синтетической социологии для анализа современной действительности; в этом отношении гораздо продуктивнее представляются работы Ю.Н. Давыдова.

Теория Вебера и постсоветское пространство

С опорой на веберовский тезис, что «в действительности не существует «чистых» типов, только через их комбинацию, приближение и уподобление получают исторически сложившиеся типы» [там же, 550], Ю.Н. Давыдов эксплицирует типологию капитализма на постсоветскую Россию. На современном этапе теоретического осмысления капитализма в свете судеб России важнейшими проблемами являются в данной связи: 1) легитимация собственности, приватизированной на этапе первоначального накопления и расхищения капитала (с одной стороны, это стремление к легализации коллективной собственности номенклатурной бюрократией, с другой – попытки легализация торгово-спекулятивного и авантюрно-ростовщического капитала); 2) формирование предпринимательского капитализма, а не разбойничьего или спекулятивного. При этом обе силы, указанные в рамках первой проблемы, выступают объективным тормозом для развития рационального капитализма [Давыдов, 1998, 503].

Проблема отчуждения индивида в концепции Макса Вебера как результата процесса рационализации (победоносно шагающей бюрократизации), когда каждый индивид становится «прикованным» к производству, классу, профессии, что ведет к нивелированию индивидуальности, обезличиванию и формализму, идентична позиции Карла Маркса, однако прогнозы классиков коренным образом отличаются.

Если для Маркса отчуждение может быть преодолено при переходе к социализму, то для Вебера это неизбежное следствие рационализации всех сфер общественной жизни, а социализм по существу является государственным капитализмом, той же «железной клеткой послушания» с еще большим подавлением индивидуальности.

Имплицитно с опорой на концепцию Вебера и эксплицитно на марксистскую традицию проблема отчуждения применительно к историческому опыту СССР раскрывается известным философом Н.И. Лапиным. Отечественный мыслитель выдвигает следующую рабочую гипотезу: «Сущностные процессы перестройки кроются в таких субъектно-объектных отношениях, как отчуждение и свобода, то есть противоречие между отчуждением и свободой составляет всеобщее сущностное противоречие процессов перестройки» [Лапин, 1991, 12]. Сам характер советского общества он характеризует как ранний социализм, который несет отпечаток общества, из которого он возникает, и который Маркс обозначает как «грубый коммунизм», отрицающий личность человека.

Н.И. Лапин выделяет семь слоев отчуждения, последовательно возникающих и накладывающихся друг на друга, образуя единый замкнутый комплекс. Исходным, первым слоем стало отчуждение подавляющего большинства населения в управлении от механизмов власти посредством учреждения Сталиным «номенклатурной бюрократии» [там же, 14].

Второй слой отчуждения образовался в промышленности и означал отчуждение рабочих и служащих от результатов их труда. Это произошло благодаря внеэкономическому, директивному введению двойного рода механизмов: с одной стороны, некоммерчески низких цен на промышленные товары массового спроса («ширпотреб»), вследствие чего эти товары стали малодоступным массам дефицитом (в веберовской терминологии экономика в социализме направлена исключительно на удовлетворение потребностей [Weber, 1980, 119]); с другой стороны, эти псевдонизкие цены позволили установить нецивилизованно низкую плату за труд (что характерно для государственного капитализма, как показывает рецепция трудов К. Касториадиса и М. Вебера [Катаев, Вольф, 2015]).

Третий слой отчуждения Лапин называет тройным раскрестьяниванием, к которому привела насильственная коллективизация [Лапин, 1991, 16]. Н.А. Бердяев в работе «Русская идея» считает, что коммунистические идеи легли на плодотворную почву русского этноса с его космизмом, общинностью, соборностью и пр., и в этом смысле коллективизация рассматривается им как продолжение русской общины или возврат к ней [Бердяев, 2015, 235]. Вебер считал тормозом крестьянскую общину, в то же время он видел в ней признаки непосредственной демократии («русский мир» и «русская правда»), однако любой несвободный труд, экономическое принуждение, государственное регулирование для «неистового либерала» были неприемлемыми [Weber, 1980, 202, 546, 737, 742]. Отчуждение трудящихся от власти, как считает Лапин, от создаваемых ими товаров и от самоорганизации своего труда стало предпосылкой четвертого, фундаментального слоя – отчуждения структуры производства от потребностей населения. Об этой же перспективе развития плановой экономики

пишет Вебер, говоря о бессмысленности предписаний, штрафов, указаний государственного планирования.

Пятый слой отчуждения – духовный. Н.И. Лапин выделяет три аспекта такого отчуждения: во-первых, из-за марксистско-ленинской догматики интеллигенция была лишена возможности творчески действовать; во-вторых, при отсутствии научной критики, на основе отчуждения человека от власти и труда возникли новые фетишистские формы сознания масс, важнейшая из которых – авторитарное сознание; в-третьих, разрушение индивидуального сознания, поскольку было опасно говорить то, что думаешь [Лапин, 1991, 16]. О люмпенизации общества как условия самоутверждения бюрократии пишет веберианец Ю.Н. Давыдов [Давыдов, 1998, 440-442].

Пять слоев отчуждения в их совокупности сделали возможным возникновение шестого – тоталитарно-репрессивного слоя, который предполагает «чистку» как форму управления тоталитарно-бюрократическим аппаратом», выразившуюся в терроре, репрессиях широких слоев населения по классовому идеологическому признаку.

На основе шестого слоя стал формироваться седьмой, мафиозно-экономический слой: прежде столь значимые нарушения законности в экономической сфере переросли в 70-80-х годах в масштабную теневую экономику, дельцы от которой вступили в преступный альянс с прикрывавшими их группами из номенклатурной бюрократии (возникла, по одной из оценок, «плутократическая собственность»). Стало явным отчуждение возрастающей части общественного труда от узаконенных структур хозяйственной жизни общества [Лапин, 1991, 17].

Именно этот слой приходит к власти и становится в 90-х во главе архаического, торгово-спекулятивного капитализма, основанного не на накоплении, а на расхищении государственной собственности, легитимируя это «приватизацией» и «рыночной демократией».

Идентичная точка зрения представлена в работах Ю.Н. Давыдова [Давыдов, 1989, 44-51], но в терминах тоталитаризма и тоталитарной бюрократии. Веберианец отстаивает идею нового типа тоталитарной бюрократии, отказываясь от аналогий советской и современной бюрократии с патримониализмом и, соответственно, с традиционными типами бюрократий. М.В. Масловский [Масловский, 2000, 96], напротив, считает возможным интегрировать концепцию тоталитарной бюрократии в веберовскую теоретическую модель благодаря применению альтернативного варианта применительно к советской и постсоветской России модели архаичной патримониальной бюрократии.

В данной связи более убедительной и, как ни парадоксально, более близкой к теории Вебера выглядит точка зрения философа-марксиста Н.И. Лапина, согласно которой каждая последующая формация сохраняет черты предыдущей на ранней стадии. Поэтому он говорит о двухслойной бюрократии в советский период, что может быть применено и к современной России: «В отличие от традиционной бюрократии, описанной еще Салтыковым-Щедриним и естественно возродившейся после 1917 года, новая, номенкла-

турная бюрократия образовала как бы ядро административно-командной системы, скрытое от поверхностного взгляда. В итоге двойная бюрократия надежно отделила население от власти» [Лапин, 1991, 14].

Причина такого разнопланового толкования заключается в многогранности применения и классификации идеальных типов. Ю.Н. Давыдов стремится сконструировать новый «чистый» идеальный тип, максимально усиливая культурно-значимые элементы социальной действительности, поэтому данный тип, как собственно и идеальный тип бюрократии самого М. Вебера, ошибочно рассматривается как некая модель, требующая эмпирической перепроверки. М.В. Масловский, в свою очередь, оперирует веберовским генетическим типом, который занимает промежуточное положение между социальной действительностью и «чистыми типами». Н.И. Лапину имплицитно удалось раскрыть эвристическую ценность идеальных типов, поскольку только в итоге сравнения с действительностью обнаруживается, является ли идеальный тип чистой игрой мысли или же научно плодотворным понятием.

В некоторых случаях отдельные идеальные типы могут быть сравнены между собой, поскольку отклонение между реальностью и логической конструкцией бывает настолько велико, что она может быть исследована только через комбинацию двух или нескольких «чистых» типов.

Поэтому, характеризуя советскую и постсоветскую бюрократию, необходимо учитывать комплементарность идеальных типов и тот эмпирический факт, что новая формация сохраняет черты предшествующей на ранней стадии, то есть в случае советской бюрократии речь идет о смешении черт традиционной (архаичной патримониальной) бюрократии с новым номенклатурным (тоталитарно-авторитарным) типом бюрократии; постсоветская бюрократия, существующая в рамках торгово-спекулятивного или ростовщически-авантюрного капитализма (ранняя стадия новой формации), сохранила черты как авторитарно-тоталитарной бюрократии, так и архаичные черты патримониализма, несмотря на стремление к рационализации.

На сохранение черт в посткоммунистических странах обращает внимание П. Штомпка: «Вместо этого посткоммунистические общества продолжают сохранять институты, нормы, ценности и ментальные привычки «реального социализма». Неэффективность на рабочих местах, бюрократические препоны, практики nepotизма и favoritизма наряду с сохранением привилегий старой «номенклатуры» – вот лишь некоторые примеры этого» [Sztompka, 1992, 10].

Найти теоретическое разрешение данных антиномий представляется возможным только в рамках синтеза микро-макро и макро-микроуровней.

Наиболее актуальными проблемами веберовского социологического учения для современной (постперестроечной) России являются концепция бюрократии и концепция капитализма. Анализируя «хилые» ростки продуктивного капитализма, возникшего из «духа», с высокой производительностью труда, частной инициативой и личной ответственностью,

Давыдов отмечает, что они оказались практически растоптанными двумя «монстрами» (номенклатурная бюрократия и авантюрно-ростовщический капитал) и без активной поддержки действительно правового и подлинно демократического государства, опирающегося на этически ответственную общественность, их не удастся возродить [Давыдов, 1998, 503].

С позиций интеграции микро – и макроуровней анализирует посткоммунистические общества П. Штомпка. С опорой на синтетическое, «эkleктическое» направление в социологии (Дж. Александер), он рассматривает «две противостоящие друг другу в теоретическом плане модели общества» как равноценные» [Sztompka, 1992, 24].

Речь идет о макросоциологической, системно-функциональной модели, и цель трансформации уже задана. Такую трансформацию общества П. Штомпка обозначает как стратегию манипуляции, предполагающую пассивность и адаптивность акторов к заданным целям.

Вторая, микросоциологическая, процессуально-деятельностная модель, обозначенная им как стратегия освобождения, предполагает активную, творческую деятельность людей, необходимую для самотрансформации.

Синтетическая модель микро-макроразвязки предлагает Дж. Александер, который особое место в интеграции микро – и макроуровней отводит Макс Веберу: «Из всех классиков социологии, как представляется, только Вебер видел ясный путь выхода из этой традиционной дилеммы. И хотя в конечном итоге формулировки Вебера на данный момент не вполне удовлетворительны <...> его вклад остается первостепенным для каждого последующего исследования, направленного на установление микро-макроразвязки» [Alexander, Giesen, 15]. Структурно-функциональная модель, соответственно, стратегия манипуляции, как отмечает П. Штомпка, в большей мере подходит для периодов стабильности, непрерывности и человеческой пассивности, в то время как в периоды радикальных изменений, мобилизации и новаторства применима процессуально-деятельностная модель и стратегия освобождения.

Для анализа перестроечного и постперестроечного периода стратегия освобождения выступает в качестве императива, однако востребована также манипулятивная стратегия и интервенция социальных институтов, включая государство для преодоления проблем, барьеров и препон, оставшихся от «реального социализма». То есть необходима как микро-, так и макростратегия социальных преобразований. Главной метадиалеммой польский социолог считает определение пропорций при смешивании противоречивых стратегий.

Как и Вебер в начале XX века, Штомпка ставит вопросы о будущем в начале XXI века: каким образом можно достичь демократии с помощью недемократических средств, как можно получить либерализм нелиберальными методами и как можно гарантировать, что общество не вырождается в новую форму автократии или тирании. Несмотря на отличие в целях социологического анализа, содержательно постановка вопросов имеет схожие черты. Веберовский вопрос о сохранении либерализма и индивидуалистической свободы в усло-

виях неизбежной бюрократизации идентичен вопросу Штомпки о достижении либерализма бюрократическими директивными методами; угроза «железной клетки послушания» и «новой формы рабства» М. Вебера тождественна «новой форме автократии и тирании» П. Штомпки.

Польский социолог отмечает, «что единственным способом защиты является последовательный антиутопический крен». Институциональная директивная манипуляция должна быть ограничена императивом освобождения. Об этом, собственно, пишет и Давыдов, отмечая, что формирование «этики ответственности» возможно лишь при поддержке подлинно демократического, правового государства.

Заключение

«Проклятые вопросы», поставленные Вебером о судьбах капитализма и социализма, рационального и спекулятивного капитализма в свете формальной и материальной рациональности, проблема свободы и отчуждения индивида остаются актуальными и на сегодняшний день.

Проблема капитализма-социализма применительно к России может быть в полной мере раскрыта через дихотомию формальной и материальной рациональности в рамках интеграции микроаспектов (формирование соответствующего типа трудовой и предпринимательской этики («мотивационный подход» Давыдова, разработанный на основе броделевских работ) и макроаспектов как предпосылки и условия становления предпринимательского капитализма.

В России в разные периоды, согласно веберовской интерпретации, существовали различные типы капитализма: торгово-спекулятивный, архаичный, иррациональный, политический, разбойничий (Давыдов). Социализм в СССР с опорой на экспликацию Ю.Н. Давыдова следует рассматривать как государственный капитализм с характерными чертами «архаичного» капитализма: разграбление, жесткая и жестокая эксплуатация труда, присвоение результатов труда и т. д.

Альтернатива торгово-спекулятивному, архаическому, криминальному капитализму 90-х, имеющему криминальную природу и хищнический характер, основанному на «культе преступления, разврата и тотального бесстыдства», – это духовно-нравственное, этическое обновление идеала рынка, поэтому для становления рыночной экономики или предпринимательского капитализма необходима новая культурная модернизация с восстановлением ценностей творческого труда.

Имеет место сближение веберовства (Ю.Н. Давыдов, М.В. Масловский) и марксизма (Н.И. Лапин) в выявлении слоев отчуждения, сложившихся на рубеже 80-х и 90-х годов и оценке формирования и становления не предпринимательского, а торгово-спекулятивного капитализма.

Библиография

1. Бердяев Н.А. Русская идея. М.: Азбука-классика, 2015. 320 с.
2. Давыдов Ю.Н. Макс Вебер и современная теоретическая социология: Актуальные проблемы веберовского социологического учения. М.: Мартис, 1998. 510 с.
3. Давыдов Ю.Н. Тоталитаризм и тоталитарная бюрократия // Наука и жизнь. 1989. № 1. С. 44-51.
4. Катаев Д.В., Вольф Г. Автономия и демократия в концепциях Макса Вебера и Корнелиуса Касториадиса // Вестник Московского университета. Социология и политология. Серия 18. №1. М., 2015. С. 60-72.
5. Катерный И.В. Систематизация теории капитализма М. Вебера: институциональный (Р. Коллинз) и мотивационный (Ю. Давыдов) подходы // Девятко И.Ф., Орлов Н.К. (ред.) Давыдовские чтения: исторические горизонты теоретической социологии: сборник научных докладов симпозиума (13-14 октября 2011 г.). М.: Институт социологии РАН, 2011. С. 110-132.
6. Лапин Н.И. Отчуждение философского сознания // Лапин Н.И. (ред.) Философское сознание: драматизм обновления. М.: Политиздат, 1991. С. 11-34.
7. Масловский М.В. Анализ концепции тоталитарной бюрократии // Социологические исследования. 2000. № 4. С. 93-96.
8. Alexander J., Giesen B. From Reduction to Linkage: The Long View of the Micro-Macro Link // Alexander J.C., Giesen B., Münch R., Smelser N.J. (eds). The micro-macro link. Los Angeles: University of California Press, 1987. P. 1-42.
9. Collins R. Weber's Last Theory of Capitalism: A Systematization // American Sociological Review. 1980. Vol. 45. P. 925-942.
10. Sztompka P. Dilemmas of the Great Transition // The Johns Hopkins University Bologna Center, Occasional Paper Series. 1992. № 74. P. 9-28.
11. Weber M. Wirtschaft und Gesellschaft: Grundriss der verstehenden Soziologie. Tübingen: Mohr, 1980. 948 S.

Implicit weberianism in the analysis of the post-communist countries in the processes of democratization

Dmitrii V. Kataev

PhD in Sociology, Associate Professor,
Department of sociology,

Lipetsk State Pedagogical P. Semenov-Tyan-Shansky University,
398020, 42 Lenina str., Lipetsk, Russian Federation;
e-mail: dmitrikataev@rambler.ru

Abstract

The article deals with current social and political issues related to the modernization and transformation in the former communist countries. Two-level analysis includes the study of macro level of social processes: the institutional and structural transformation and social action micro level: ethical attitudes, and political consciousness of sense. "Accursed questions" posed by Weber about the fate of capitalism and socialism, rational and speculative capitalism, still remain relevant today. The problem of socialism and capitalism in relation to Russia can be fully disclosed through the dichotomy of formal and material rationality in the framework of integration micro and macro levels as prerequisites and conditions of formation of the entrepreneurial capitalism. In Russia, in different periods, according to the Weberian interpretation, there are different types of capitalism: trade and speculative, archaic, irrational, political, predatory (Davidov). Socialism in the USSR relying on explication of Davydov should be regarded as state capitalism with the characteristic features of the "archaic" capitalism: looting, tough and brutal exploitation of labor, appropriation of the results of labor, and so on.

For citation

Kataev D.V. (2016) Implicitnoe veberianstvo pri analize protsessov demokratizatsii post-kommunisticheskikh stran [Implicit weberianism in the analysis of the post-communist countries in the processes of democratization]. *Teorii i problemy politicheskikh issledovaniy* [Theories and Problems of Political Studies], 3, pp. 16-26.

Keywords

Weberianism, micro and macro levels, social transformation, rationalization, social institutions, social action.

References

1. Alexander J., Giesen B. (1987) From Reduction to Linkage: The Long View of the Micro-Macro-Link. In: Alexander J.C., Giesen B., Münch R., Smelser N.J. (eds). *The micro-macro link*. Los Angeles: University of California Press, pp. 1-42.
2. Berdyaev N.A. (2015) *Russkaya ideya* [The Russian idea]. Moscow: Azbuka-klassika Publ.
3. Collins R. (1980) Weber's Last Theory of Capitalism: A Systematization. *American Sociological Review*, 45, pp. 925-942.

4. Davydov Yu.N. (1989) Totalitarizm i totalitarnaya byurokratiya [Totalitarianism and totalitarian bureaucracy]. *Nauka i zhizn'* [Science and life], 1, pp. 44-51.
5. Davydov Yu.N. (1998) *Maks Veber i sovremennaya teoreticheskaya sotsiologiya: Aktual'nye problemy veberovskogo sotsiologicheskogo ucheniya* [Max Weber and contemporary theoretical sociology: Current problems Weber the sociological teachings]. Moscow: Martis.
6. Kataev D.V., Vol'f G. (2015) Avtonomiya i demokratiya v kontseptsiyakh Maksa Vebera i Korneliusa Kastoriadisisa [Autonomy and democracy in the concepts of max Weber and Cornelius Castoriadis]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Sotsiologiya i politologiya* [Moscow University Bulletin. Sociology and political science], 1, pp. 60-72.
7. Katernyi I.V. (2011) Sistematizatsiya teorii kapitalizma M. Vebera: institutsional'nyi (R. Kollinz) i motivatsionnyi (Yu. Davydov) podkhody [Systematization of M. Weber's theory of capitalism: institutions, tutionally (R. Collins) and motivational (Davydov) approaches]. In: Devyatko I.F., Orlova N.K. (eds) *Davydovskie chteniya: istoricheskie gorizonty teoreticheskoi sotsiologii: sbornik nauchnykh dokladov simpoziuma* [Davydov reading: the historical horizons of theoretical sociology: Collection of Scientific Reports of the Symposium]. Moscow, pp. 110-132.
8. Lapin N.I. (1991) Otchuzhdenie filosofskogo soznaniya [The philosophical attitude of consciousness]. In: Lapin N.I. (ed.) *Filosofskoe soznanie: dramatism obnovleniya* [Philosophica consciousness: the update drama]. Moscow: Politizdat Publ., pp. 11-34.
9. Maslovskii M.V. (2000) Analiz kontseptsii totalitarnoi byurokratii [The analysis of the concept of the totalitarian bureaucracy]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological research], 4, pp. 93-96.
10. Sztompka P. (1992) Dilemmas of the Great Transition. *The Johns Hopkins University Bologna Center, Occasional Paper Series*, 74, pp. 9-28.
11. Weber M. (1980) *Wirtschaft und Gesellschaft: Grundriss der verstehenden Soziologie*. Tübingen: Mohr.